

Афганский фактор для Центральной Азии

После антианглийских войн второй половины XIX века в Афганистане установилась власть, опиравшаяся на кочевые племена одной этнической группы – пуштунов. Пуштуны в тот период в большинстве являлись кочевниками, в то время как непустунское население было по большей части земледельческим. Перед английским вторжением в Афганистан здесь, как и в Средней Азии, которая отошла в то же самое время к России, политическая власть находилась в руках узкого круга пуштунской элиты, находившейся в состоянии вялотекущего конфликта с земледельческими таджикскими регионами. Англичане, оказавшись не в состоянии сокрушить сопротивление пуштунов в прямых войнах, фактически позволили пуштунам установить свое доминирование над остальными этническими группами, признав их власть в этих регионах в обмен на отказ от ведения антианглийской внешней политики.

С другой стороны, в решении афганского вопроса в пользу

пуштунов в это же время оказалась заинтересована и Российская империя. Большинство земледельцев в Средней Азии и Афганистане в это время составляли таджики. А таджики – единственный в регионе крупный персоязычный народ, который традиционно тяготеет к Тегерану. Перед вторжением в Среднюю Азию русских и англичан именно таджики являлись здесь культурной и политической элитой. Именно таджикские правители активно сопротивлялись российской экспансии в Средней Азии, таджики правили в Бухаре, Хиве, Коканде, а их язык был официальным языком этих государств и литературным языком местных народов. Россия и Англия, установив северную границу Афганистана, получили следующее:

– внутриафганского союзника в лице кочевников-пуштунов, которые без помощи европейцев не смогли бы удерживать власть над более культурными и богатыми земледельцами. Пуштуны не были заинтересованы во враждебных отношениях

ни с одной европейской империей, ибо борьба с любой из них была чревата потерей власти в Афганистане и возвратом в свои пустынные степи. Афганистан стал нейтральным политическим полем, буфером между британской Индией и российской Средней Азией. Заодно прекратилась борьба между Англией и Россией за Тибет.

– Россия и пуштуны разделили между собой массив таджикских земель примерно поровну, и теперь стабильный Афганистан, находящийся под властью пуштунов, гарантировал Москве контроль над таджикским Припамирьем с обеих сторон, этим разделом таджиков Россия была застрахована от любых попыток великотаджикского ренессанса;

– Россия получила возможность способствовать формированию новой – уже не персоязычной, таджикской, а тюркской – элиты в Средней Азии, что обеспечивало ей нейтралитет среднеазиатского истеблишмента в экспансии на актуальном в то время для Москвы иранском направлении.

Нельзя сказать, что система этнополитического доминирования пуштунов, столь устраивавшая великие державы (а заодно предопределившая во многом нынешние проблемы Афганистана), не вызывала недовольства узбеков, таджиков, туркмен, хазарейцев, белуджей, и других, естественно, всегда считавших себя обделенными при распределении власти. Нескольким раз это недовольство выплескивалось в открытые восстания (например хазарейское, в конце прошлого века), подавляемые властями Кабула. Однако фактором стабилизации служило и постоянно идущее смешивание этносов, особенно в

среде афганской элиты, члены которой еще в прошлом столетии порой идентифицировали себя все чаще не с этносом, а с местом постоянного проживания.¹ Эти процессы на протяжении последних двух столетий способствовали формированию сложнейшего этнополитического ландшафта, непонимание тонкостей которого – например, факта существования в западных и северо-западных провинциях немалой доли персоязычного (дари) населения пуштунского происхождения, и потому ошибочно принимаемых за таджиков, – затрудняет сегодня поиск эффективных механизмов политического урегулирования.

Таким образом, динамичный этнополитический баланс афганского общества, сложившийся на рубеже XIX-XX веков, обеспечивался применением модели гегемонистского доминирования в сочетании с исторически установившимися, естественными механизмами интеграции и ассимиляции, что создавало условия для постепенного преодоления трайбалистских и этнических противоречий в процессе модернизации афганского национального государства.²

Глобальные перемены на политической карте мира, связанные с первой мировой войной, Октябрьской революцией и крахом Российской империи, другими словами – принципиальным изменением расклада внешних сил, – нанесли серьезный удар по этому тонкому внутривосточному механизму стабильности афганского общества. 1920-1930 годы значительно изменили этнополитическую карту Афганистана. «Триумфальное шествие Советской власти» в Средней Азии заставило многие сотни тысяч коренных ее жителей – таджиков,

---

1 А.Малашенко. Движение «Талибан»: итоги подводить рано // Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм. – 1997. – №1 (7). – С.67.

2 Туронк С., Эбади Х. Афганский конфликт: социокультурное измерение // Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм. – 1997. – №10. URL: http://www.ca-c.org/journal/10_1997/st_12_turonok.shtml

узбеков, туркмен – искать спасения за Пянджем и Аму-Дарьей. Нарушение сложившегося этнополитического баланса выплеснулось в конце 20-х годов в краткосрочном прецеденте (не без поддержки англичан – уже в плане противодействия Советской России) прихода к власти в Кабуле таджикского эмира Хабибулло (Бачаи Сакаоб). Тогда, в конце 20-х – начале 30-х годов, децентрализация власти поставила Афганистан на грань распада. Возникали, например, идеи создания на Севере Афганистана (с границей по линии Гиндукуша) независимого государства во главе с бывшим эмиром бухарским. В осуществлении этой идеи большие надежды возлагались на главаря басмачей узбека Ибрагим-бека, сбежавшего из Средней Азии. Ибрагим-бек выступил с призывами к узбекам – как среднеазиатским эмигрантам, так и коренным жителям Афганистана – изгнать пуштунов и освободить страну. Эта авантюра Ибрагим-бека привела к новому обострению этнических взаимоотношений не только между пуштунами и непуштунами, но также между узбеками и хазарейцами на севере Афганистана.³

Последующее подавление сил таджикского эмира Хабибулло (Бачаи Сакаоб) и основание в 1929 году королевской пуштунской династии, правившей в Афганистане до 1973 года, восстановило пошатнувшийся механизм этнополитической стабильности.

После возникновения СССР политика Москвы в регионе принципиально не изменилась. Наоборот, наметившиеся ранее тенденции получили логическое продолжение. Власть в ликвидированных в 20-е годы Бухаре, Хиве и Коканде перешла в руки тюркской политической элиты, подчинившейся Москве. Более того, в ходе борьбы с басмачами Советское правительство установило особенно близкие отношения с афганским

пуштунским руководством (Аманулло-хан), помогало ему оружием и средствами. Именно Афганистан периода правления Аманулло-хана стал государством, первым установившим дипломатические отношения с Советской Россией.

Национально-территориальное размежевание, проведенное в советской Средней Азии, повлекло дополнительное разделение компактных таджикских земель. Более того, от таджикской культуры оказались отрезанными традиционные культурные и интеллектуальные центры, на базе которых сформировались таджикский литературный язык и общенациональная культура. В состав Узбекистана были включены главные культурные центры таджиков – Бухара и Самарканд. Местные таджики (их ныне около двух миллионов, а всего таджиков несколько более 10 миллионов человек) были официально записаны узбеками.

Политическая элита Узбекистана была сформирована на базе Ташкента, который являлся опорным пунктом царской армии в регионе. Близ Ташкента после 1917 года ранее осадили кочевые узбекские племена. В свою очередь, даже узбекское традиционно земледельческое население, проживавшее рядом с таджиками в Ферганской долине, а также в регионах Бухары и Самарканда, оказалось ущемлено ташкентской элитой. Ферганская долина, где много столетий за счет культурной, идеологической и политической деятельности местных таджиков были сильны исламско-фундаменталистские тенденции, стала регионом, чья элита рассматривалась советскими властями как менее надежная, чем ташкентская.

Долину поделили между Узбекской, Таджикской и Киргизской ССР. Стабильность как минимум Киргизии и Узбекистана с их тюркскими элитами теперь напрямую зависела от подавления

---

3 Искандаров К. Влияние афганского кризиса на ситуацию в Таджикистане.// Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм. – 1997. – № 13. URL: http://www.ca-c.org/journal/13_1997/st_13_iskandar.shtml

исламистского и таджикского движения в Ферганской долине. В Таджикской ССР также была проведена работа по нейтрализации исламистского таджикского движения, результаты которой выглядят примерно так:

– в административных рамках Таджикистана остались в основном регионы, второстепенные для таджикской общенациональной культурной традиции. По сути, советские таджики остались без собственного интеграционного центра и стали представлять собой набор разрозненных региональных культур: ходжентской, памирской, каратегинской, южной (гиссарской, кулябской);⁴

– власть в Таджикистане была отдана на откуп элите Ленинабадской области (Ходжент или Худжанд), расположенной в Ферганской долине и находившейся все годы советской власти под преобладающим влиянием Ташкента. Ленинабадскую область отделяют от большей части территории Таджикистана горные хребты, и экономика области, все коммуникации традиционно сориентированы на Узбекистан.

Слабая политическая структура Таджикистана была выгодна Москве, поскольку являлась важной гарантией от реисламизации среднеазиатского населения (главными потенциальными носителями которой считались таджики), от любых попыток и намерений, которые были бы направлены на реставрацию сильной государственности народа, единственного в регионе имевшего многовековые традиции собственной государственности и оттого наиболее ущемленного установившимся статус-кво.

В 70-е годы со строительством гигантских ГЭС и водохранилищ Средняя Азия вступила в новую для себя эпоху –

эпоху прямой борьбы за контроль над водными ресурсами региона. Истоки Сыр-Дарьи находятся в основном в Киргизии; истоки Аму-Дарьи, снабжающей водой практически весь Узбекистан, – в Таджикистане и на территории Афганистана. Возникшая система водораспределения сделала равнинные районы Средней Азии крайне уязвимыми, политическая стабильность региона оказалась в прямой зависимости от непосредственного политического контроля над истоками двух рек. Относительно бассейна Сыр-Дарьи больших волнений не было, что же касается Аму-Дарьи, то контроль над горными регионами, населенными таджиками, стал жизненно необходимым для узбеков, превратившихся за годы советской власти из полукочевников в великий земледельческий народ. Таким образом, в 70-е годы в кругах советского руководства возникла мысль о необходимости серьезных внутренних трансформаций в афганском обществе и усилении зависимости Афганистана от советской Средней Азии.

В 1973 году был свергнут король Мохаммад Захир Шах. Годы президентства Мохаммада Дауда, а поначалу и апрельская революция 1978 года, не поколебали хрупкого, но реально существовавшего этнического равновесия. И Дауд, и Тараки были пуштунами и, вероятно, брали в учет столь важный для самих основ существования государства фактор, как сохранение этнобаланса.

Тем не менее в итоге именно смена характера власти, поддержанная советской военной интервенцией, подорвала традиционную этническую пирамиду Афганистана. Импортированными с Севера идеями пролетарского интернационализма новая власть всколыхнула национальное самосознание этнических меньшинств Афганистана, внедрила новый принцип формирования властвующей элиты – не по

---

4 Этот фактор, малозаметный в период существования СССР, в 90-х годах стал одним из важнейших в ходе гражданской войны в Таджикистане.

национальному, а по идеологическому признаку. Внедрение чуждого идеологического компонента оказалось несовместимым с хотя и хрупкими, но уже традиционными, отлаженными механизмами этнополитической стабильности. Результатом стала причудливая конфигурация политической реструктуризации афганского общества, где под внешней политической консолидированностью противоборствующих лагерей нарастали глубинные противоречия этнического, политического, социокультурного, религиозного характера. Уже после ввода советских войск вооруженная афганская оппозиция, внешне объединенная идеей джихада, изначально формировалась в условиях острой конкуренции группировок и противоборства возглавлявших их лидеров, заведомо исключавших возможность сохранения политического единства в будущем.

Итак, в конце 70-х годов над правящей пуштунской элитой Афганистана нависла угроза потери власти. Недаром подавляющее большинство пуштунских племен, невзирая на пуштунское происхождение и Тараки, и, позже, Наджибуллы, составили вместе с таджиками основу сопротивления Советской Армии. Именно поэтому в Афганистане Советскому Союзу пришлось вести войну на истощение. Никакую новую устойчивую социально-политическую структуру стране установить было невозможно: вторым по численности народом Афганистана после пуштунов являлись таджики. Но их было недостаточно для выращивания новой властной элиты вместо пуштунов, да и опасно, памятуя о таджиках по другую сторону Пянджа, в Таджикской ССР. Узбеков в этой стране немного, и в их среде мог также проявиться остаточный синдром «басмачества». Шииты, проживающие в центральной части страны и вдоль афганско-иранской границы, разноэтничны и настроены однозначно проирански. Оставалось применить политику интернационализации. Во властных структурах – в том числе.

Именно в силу этого, хотя, может быть, и неосознанно, с точки зрения геополитической целесообразности советская военнополитическая стратегия в ходе афганской войны была по-своему безупречной, хотя и исключительно жестокой: пока Советская Армия вытесняла из страны сопротивляющихся агрессии афганцев, в большинстве – пуштунов, в советских вузах и в сотнях детских домов выращивалась полностью оторванная от своего народа просоветская элита. Только в детские дома на территорию СССР было вывезено свыше 10 тысяч детей афганских просоветских лидеров или погибших функционеров новой власти. Исход войны должны были решить время и демография.

В Афганистане находился действительно ограниченный воинский контингент из примерно 140 тысяч человек, в составе которого обычно было всего четыре десантно-штурмовые бригады. Остальные части составляли подразделения, охранявшие дороги, крупные города, а также летчики, артиллеристы, саперы, медики. Для противодействия партизанским методам ведения войны в горной местности этих войск было явно недостаточно. Тем более, что правительственная армия Афганистана была ненадежна. Фактически Москва вольно или невольно затягивала конфликт до того, как в Средней Азии будут завершены программы индустриализации и вода северных рек придет в регион, уменьшив его зависимость от Аму-Дарьи – во-первых, и Афганистан покинут или будут уничтожены заметные массы пуштунов с тем, чтобы осуществить реорганизацию этнополитической структуры афганского общества на новых основах – во-вторых. Советским руководством не исключалась и мощная децентрализация страны.⁵

За время войны погибло свыше миллиона афганцев. Пять миллионов (в основном пуштунов) стали беженцами. Война

серьезно изменила соотношение между этническими группами в стране. Вероятно, не осознавая этого факта, после ухода из Афганистана советских войск, президент Наджибулла – представитель влиятельного пуштунского рода Ахмадзай – предпринял меры по изменению этнического состава властной элиты, пытаясь вернуться к формировавшемуся веками этническому балансу. Однако в новых условиях нестабильности и вакуума власти эта попытка обернулась для властей Кабула катастрофой: министр обороны в правительстве Наджибуллы генерал Абдул Рашид Достум, этнический афганский узбек, ставший к тому времени фактическим хозяином северных афганских провинций,⁶ первым выступил против реставрации пуштунского доминирования. Начиная с 15 февраля 1989 года и примерно до конца 1995 года в стране происходили сложные этнополитические процессы, характеризующиеся все большим нарастанием противоречий между пуштунами и всеми остальными этническими общинами, логическим этапом развития этих процессов стал приход к власти на большей части территории страны движения «Талибан».

Естественно, что возникшим после ухода 40-й армии вакуумом власти не преминули воспользоваться этнические лидеры вооруженных группировок. Центром силы стал Союз Севера, объединивший совершенно различные по своим характеристикам группировки Бурханутдина Раббани и Ахмад Шаха Масуда (таджики), Абдул Рашида Достума (узбеки), Абдула Али Мазари (хазарейцы) и Сейид Джаффара Надири (исмаилиты). В этот же период внутри каждой этнополитической группировки окончательно структурируются и основные политические партии,

являющиеся де-юре и де-факто выразителями интересов отдельных этносов. Небезынтересными представляются некоторые характеристики наиболее значимых из этих партий.

Исламское общество Афганистана – «Джамиат-е уль-Исломи-е Афгонистон» (ИОА)

Программной целью партии объявлено построение исламского государства умеренного направления. ИОА отражает интересы примерно пяти миллионов таджиков, проживающих в основном на северо-востоке страны. В 1992 году режим Наджибуллы был свергнут, Афганистан был объявлен Исламским Государством, а в конце того же года в союзе с Ахмад Шахом Масудом Бурханутдин Раббани созвал Шуру (Совет) из 1335 делегатов, которые и избрали его президентом страны. В марте 1993 года в Исламабаде лидерами восьми наиболее крупных партий и группировок были подписаны «Мирное соглашение» и «Соглашение о разграничении полномочий между президентом и премьер-министром», согласно которому предусматривалось 18-месячное пребывание Бурханутдина Раббани на посту президента. Таким образом, в декабре 1994 года срок пребывания Раббани на посту президента заканчивался. Однако, когда в феврале 1995 года талибы подошли к Кабулу и потребовали разоружения всех формирований, Раббани сделал заявление о продлении своих полномочий «до устранения опасности вооруженного захвата власти движением «Талибан». Это заявление является главным основанием пребывания Бурханутдина Раббани на посту президента в последующее время.⁷

6 Дубнов А. Столкновение цивилизаций? Нет, – интересов// Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм. – 1997. – №1 (7). С. 72-77.

7 Таким образом, помимо всех других аспектов, афганский кризис в широком понимании является еще и кризисом легитимности, если исходить из дефиниций классической конфликтологии (см.: Вершинин М.С. Конфликтология. – Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В.А. – 2000. – С. 24). При этом и Бурханутдина Раббани и Ахмад Шаха Масуда можно считать харизматическими лидерами (способными подобный кризис преодолеть) лишь для таджиков. – А.К.

Национальное исламское движение Афганистана (НИДА) – «Джумбеш Милли Исломи Афғонистон»

НИДА – едва ли не единственная из действующих на политической арене Афганистана военно-политическая группировка, многие из функционеров которой были тесно связаны с правительствами Бабрака Кармаля и Наджибуллы, в НДПА большинство из них входило во внутрипартийную фракцию «Парчам».⁸ Движение, отражающее интересы населения северных провинций, более склонного к светскому пути развития страны. Большинство составляют этнические узбеки. Создано в 1992 году генералом Достумом, ставшим его руководителем. Задачей НИДА считается борьба за создание в Афганистане федеративного государства, «основанного на религии ислама» (пункт 2-й документа «Политические цели Национального исламского движения»)⁹. Впрочем, в середине 90-х Достум не исключал и создания на Севере независимого государства. В своих действиях Достум не исключает опоры на соплеменников в Узбекистане, в течение длительного времени поддерживал и поддерживает тесные контакты с президентом Узбекистана Исламом Каримовым, неофициально посещая Ташкент.¹⁰

Партия Исламского единства Афганистана – «Хезби вахдои исломи Афғонистон» (ПИЕА)

Объединяет афганских шиитов-имамитов, прежде всего – хазарейцев. Общая численность хазарейцев оценивается примерно в 1500 тысяч человек.¹¹ Большинство проживает в

Бамиане, Самангане, Балхе и небольшими компактными группами в других преимущественно центральных провинциях, объединенных под историческим названием Хазараджат. Будучи консолидирована в первую очередь на религиозной основе, ПИЕА традиционно сориентирована на соседний Иран. ПИЕА была создана в 1990 году на территории Ирана как альянс целого ряда шиитских группировок проиранской ориентации. Создание ПИЕА патронировал иранский религиозный авторитет ходжат оль-эслам Муртазави, первым лидером стал Абдул Али Мазари. Созданию ПИЕА также содействовали известные иранские религиозные и политические деятели Сайед Бехешти, ходжат оль-эслам Заэди, Садеги (Нили), Фазли, Сайед Джарган. В марте 1995 года талибами был убит основатель и лидер партии Абдул Али Мазари. После этого последовал раскол в партии. Лидер одной из фракций М.Акбари эмигрировал в Иран. Основную шиитскую группировку, действующую на территории Афганистана, возглавил профессор Абдул Карим Халили. Основная цель ПИЕА – построение в Афганистане исламского государства на принципах умеренного фундаментализма по типу иранского.¹²

Исламская партия Афганистана (Г.Хекматиара) – «Иттиход исломи Афғонистон» (ИПА)

Отражает интересы правых фундаменталистов юго-восточных провинций Афганистана (провинции Кабул, Баглан, Кунар, Лагман), есть влияние и среди пуштунов северной зоны страны (даже в Бадахшане). Лидер партии – Гульбетдин Хекматиар,

8 Милославский Г. Внутриполитическая ситуация в Афганистане.// Пограничник Содружества. – Москва. – 1997. – № 1. – С. 66.

9 Бушков В. Таджикистан и талибы// Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм. – 1997. – № 7. URL: http://www.ca-c/datarus/bd_rus.shtml

10 Бушков В. Таджикистан и талибы// Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм. – 1997. – № 7. URL: http://www.ca-c/datarus/bd_rus.shtml

11 Афганистан. Информационно-аналитический доклад МНБ КР. – 1998. – Архив автора.

12 Милославский Г. Внутриполитическая ситуация в Афганистане// Пограничник Содружества. – Москва. – 1997. – № 1. – С. 67.

пуштун из клана хароти крупнейшего племенного объединения гильзаи. По сути, все остальные нынешние партии (за исключением НИДА) в свое время отпочковались от партии Хекматиара. Партия была создана в Пакистане в 1976 году на базе радикального крыла организации «Мусульманская молодежь», созданной еще в Кабульском университете Гульбетдином Хекматиаром и Кази Мохаммадом Амином. ИПА с самого начала своей деятельности ориентировалась на пакистанскую партию «Джамиат-е Исломиё» и на «Братьев-мусульман». Активно поддерживает радикальное крыло исламской оппозиции в Таджикистане.¹³ Примерно с начала 90-х годов ИПА – партия преимущественно пуштунская. Пуштунская основа предопределяет и то, что к хекматиаровской ИПА примыкало в значительной степени и пуштунское население северо-западных районов Пакистана. Именно в недрах этой партии, еще до появления на политической сцене движения «Талибан», зрела идея отчуждения у Пакистана провинций, населенных пуштунами, и создания Великого Пуштунистана. По данным самого Хекматиара, партия насчитывала более 100 тысяч человек, но эти данные, конечно, весьма и весьма условны.¹⁴ Как и во всех остальных партиях Афганистана, фиксированное членство здесь отсутствовало и отсутствует. Большим ударом по ИПА стало появление движения «Талибан», на сторону которого перешла большая часть сторонников Хекматиара. Причиной этого стал, скорее всего, фактор националистический, разыгранный талибами. Хекматиар действовал в согласии с таджикскими группировками (Раббани-Масуд) и согласился занять пост премьер-министра при президенте-таджике Раббани. Учитывая историческую традицию, этот факт задел национальные интересы пуштунов и одновременно ударил по престижу Хекматиара. Вдобавок, сам он родом не из исконно пуштунских южных регионов страны.

Гульбетдин Хекматиар родился в кишлаке Имамсахиб в северной провинции Кундуз (по другим данным – в провинции Балх, также на севере), 1946 года рождения. Пуштуны северных провинций переселялись туда с юга, с мест исконного расселения, при королевском режиме. Именно тогда появились пуштунские поселения в Кундузе, Тахоре, Балхе, Батгизе, Бадахшане. Осенью 1996 года, после падения Кабула, большинство отрядов Хекматиара перешли на сторону талибов, другие были разбиты, сам Хекматиар эмигрировал в Иран и занялся подготовкой новых отрядов из числа беженцев. С конца 1996 года в реальных событиях, происходящих в стране, практически не участвует.

Движение «Талибан»

В создании движения «Талибан» ведущая роль принадлежит соседнему Пакистану – это уже признали и пакистанские политики. В сентябре 1998 года бывший министр внутренних дел Пакистана Насирулла Бабар признал, что, находясь на этом посту, в 1994 году он лично занимался формированием боевых отрядов афганских талибов и их военной подготовкой. «Мы надеялись, что под знаменем исламского шариата тройственный союз Ирана, Пакистана и Афганистана разрушит зловещие планы израильского сионизма». По словам экс-министра, фактически движение «Талибан» родилось еще в 1973 году при покойном премьер-министре Зульфикаре Али Бхутто, когда в Афганистане появилась «угроза усиливавшегося тогда советского влияния». Насирулла Бабар, будучи еще молодым офицером, сам рекрутировал в отряды боевиков учащихса медресе и обучал их военному делу в специальных лагерях. Он выразил уверенность, что в случае если Индия «осмелится напасть на Пакистан, 500 тысяч афганских талибов встанут на его защиту и нанесут такой ответный удар, что она развалится на части».¹⁵

13 Милославский Г. Внутриполитическая ситуация в Афганистане// Пограничник Содружества. – Москва. – 1997. – ^о 1. – С. 65.

14 Афганистан. Информационно-аналитический доклад МНБ КР. – 1998. – Архив автора.

15 РИА «Новости». Исламабад. – 1998. – 08.09.

Советское вторжение в Афганистан превратило Пакистан в страну геостратегического значения. Соединенные Штаты объявили Пакистан «прифронтовым государством», имея в виду советскую агрессию, и возобновили помощь и военные поставки, проигнорировав даже активно разрабатывавшуюся пакистанскую ядерную программу.¹⁶ Однако, несмотря на серьезную зависимость от США, в Исламабаде не забывали все эти годы и о собственных интересах.

Реально формирование движения «Талибан» относится примерно ко второй половине 80-х годов, когда наметилась перспектива ухода из Афганистана контингента советских войск и вероятного последующего краха режима президента Наджибуллы. Было необходимо установление контроля над страной, а для этого – создание некоей военно-политической силы, которая была бы способна наладить управление страной. Ставка спецслужб Пакистана, ряда стран Запада и арабского мира, оказывавших поддержку моджахедам, на союз ИПА Гульбетдина Хекматиара с НИДА Абдул Рашида Достума и ПИЕА не оправдала себя – альянс Раббани-Масуда-Сайяфа оказался сильнее. Становилось понятно, что с падением режима Наджибуллы гражданская война не закончится. Ни одна из уже структурированных сил остановить сползание страны к хаосу была неспособна.

Еще во время советско-афганской войны в структуре ISI¹⁷ было создано специальное подразделение, собиравшее на афганской территории, в основном на юге, в районах проживания пуштунов, мальчиков, оставшихся без родителей. Их вывозили в лагеря под Пешавар, где учили военному делу и основным исламским догмам. Это подобие янычарского войска и стало основой «Талибана». Пакистанские спецслужбы, по

некоторым сведениям, действовали при поддержке западной агентуры, внедренной в миссии УВКБ ООН.¹⁸ В лагерях афганских беженцев на территории Пакистана начался отбор специалистов, способных к организации силовых, административных и иных структур власти. Исламские организации, работавшие в контакте со спецслужбами, отбирали детей школьного возраста для обучения в специальных религиозных школах закрытого типа. Именно выпускники этих школ («талибон») и составили костяк движения.

В сентябре 1994 года Кабул посетил министр иностранных дел Пакистана Сардар Осейф Али, раздельно проведший переговоры с Хекматиаром и с Раббани и Масудом. Пакистанский министр информировал афганских лидеров о планах строительства транспортной магистрали по маршруту Карачи-Кандагар-Герат-Кушка и предложил для обеспечения ее безопасности создать в южных провинциях страны верные правительству пуштуноязычные военные подразделения из выпускников религиозных школ, находящихся на пакистанской территории. По мнению главы пакистанского внешнеполитического ведомства, обучающихся в медресе юношей «значительно легче можно воспитать в духе единства нации и тем самым избежать нового витка напряженности в стране». Умелая игра на противоречиях между таджикскими лидерами Раббани и Масудом – с одной стороны, и пуштуном Хекматиаром – с другой, позволила пакистанскому министру добиться согласия обеих сторон как на сам факт создания нового формирования, так и на финансирование его правительством Пакистана и передачу под контроль «новой силы» нескольких провинций, на территории которых должно было начинаться строительство магистрали.

---

16 URL: <http://www.fas.org/irp/world/pakistan/isi/>

17 См. ниже.

18 Афганистан. Информационно-аналитический доклад МНБ КР. – 1998. – Архив автора.

В ходе развития событий к первоначальному ядру «Талибана» – выходцам из пешаварских медресе – присоединились другие партии и группировки. Одними из первых стали отделившиеся от ИПА Хекматиара отряды под командованием Башира Баглани (с лета 1997 года до лета 2000 контролировал провинцию Кундуз, именно отряды Башира Баглани составляют так называемую «кундузскую группировку» движения «Талибан»).

«Поддержка Пакистаном афганских моджахедов должна была отвечать и интересам собственной безопасности. Поэтому Исламабад решил поддержать не объединенное движение сопротивления, а несколько групп, главным образом исламистов и пуштунов. Эта политика была продиктована меньше исламской солидарной ответственностью, а больше страхом: бесконтрольный пуштунский национализм мог своим влиянием среди беженцев вызывать мятеж пуштунских племен Пакистана».¹⁹ Положение в населенных этническими пуштунами районах северо-западного Пакистана (где, по официальным данным, в январе 1998 г. проживало 1,5 миллиона афганских беженцев²⁰) оказывает самое непосредственное прямое влияние на военно-политическую и экономическую ситуацию в самом Пакистане и в столь же значительной степени – в соседнем Афганистане. Населенные пуштунами районы Пакистана протянулись на 600 км вдоль афганско-пакистанской границы, их население составляет около 15 миллионов человек.²¹

Управление межведомственной разведки (Inter-Service-Intelligence, далее везде – ISI) было создано в 1948 году британским армейским офицером генералом Р. Кэйтом, затем ставшим заместителем начальника штаба в пакистанской армии.²² Поле деятельности ISI расширилось при участии президента Пакистана в 50-х годах генерала Айюб Хана, тогда главной целью ISI были названы охрана интересов Пакистана внутри страны и за ее пределами, контроль за политическими деятелями оппозиции и поддержка военного правления в стране. Для выполнения этих задач с учетом работы как в стране, так и за рубежом, ISI, координируя деятельность трех военных структур страны, концентрируется по следующим направлениям: контроль за всеми иностранцами, средствами массовой информации, политически активными слоями пакистанского общества, дипломатами других стран, аккредитованными в Пакистане, ну а для пакистанских дипломатов, работающих за пределами своей страны, ставятся задачи наружной охраны, координации и содействия в проведении тайных наступательных действий. Постепенно ISI стало государством в государстве, сняв с себя часть ответственности даже перед руководством армии, не говоря уже о президенте или премьер-министре. В результате бесконтрольности в дело пошло все: коррупция, наркотики. Большие деньги еще более усложнили и усилили эту структуру. Все пошло в дело: деньги от производства наркотиков используются ISI, чтобы финансировать не только войну в Афганистане, но также и войну против Индии в Пенджабе и Кашмире.²³ По данным американских независимых

---

19 Grare Frederic. Le Pakistan face au conflit afghan (1979-1985) // Harmattan. – Paris. – 1997.// Le Monde diplomatique. – 1998. – Avril. - P.31. Перевод автора.

20 Ганковский Ю. В. Пакистан // Российская академия наук. Научный совет по проблемам востоковедения. – М. – 1998. – Выпуск № 4 (март). URL:

21 Ганковский Ю. В. Пакистан // Российская академия наук. Научный совет по проблемам востоковедения. – М. – 1998. – Выпуск № 4 (март). URL:

22 В оригинале источника: R. Cawthome. – А.К.

23 URL: <http://www.fas.org/irp/world/pakistan/isi/>

исследователей, ISI имеет сотни гражданских сотрудников и большое количество офицеров, общая численность – приблизительно 10 тысяч человек, не считая осведомителей и платных агентов. Управление имеет сложную структуру. Так, подразделение JIX существует как секретариат, координируя деятельность и обеспечивая административную поддержку другим структурным подразделениям. Сюда же входит служба анализа и прогнозирования. Структурное подразделение под названием «Объединенное бюро исследований» ответственно за контроль над политической ситуацией в стране, оно являлось одним из самых мощных компонентов организации в 70 – 80-х годах. В последующее время его деятельность направлена против Индии в контрразведывательном качестве. Подразделение JCIB ответственно за «полевые» действия пакистанских дипломатов за границей, а также за проведение разведывательной работы на Ближнем Востоке, на юге Азии, в Китае, Афганистане и мусульманских республиках прежнего Советского Союза. Подразделение под названием «Объединенное исследование – Север» (JIN) несет ответственность за действия в Джамму и в Кашмире, включая инфильтрацию боевых групп, пропаганду и другие тайные действия. ISI имеет собственные подразделения, занимающиеся разработкой, производством и апробацией взрывчатых и боевых химических веществ, радиолокационной разведкой.

ISI всегда было глубоко вовлечено в сферу внутренней политики, находясь в годы военного правления в Пакистане под прямым управлением президента и главного администратора.

После поражения генерала Зия уль-Хака и победы на выборах Беназир Бхутто, директор ISI генерал Гулям Джилани сохранил свой пост, не уходил он в отставку и в последующем, невзирая на смену режимов. Самостоятельно определяя степень популярности и качество проводимой политики, в 1977 году сотрудники ISI активно работали с оппозицией и обеспечили в итоге возвращение к власти военных. Наиболее эффективным ISI стало под руководством Хамида Гуляма, обеспечив в 1990 году сокрушительное поражение Беназир Бхутто на очередных выборах.

В системе ISI в период 1983 – 1997 гг. было обучено приблизительно 83000 афганских моджахедов, направленных затем в Афганистан. ISI продолжает активно участвовать в афганской гражданской войне, поддерживая «Талибан» в борьбе против правительства Раббани. ISI постоянно занято также поддержкой кашмирских террористических исламских группировок (Фронт освобождения Джамму и Кашмира – JKLF, Студенческий фронт освобождения Джамму и Кашмира – JKSLF, Hezb-ul-Mujahedin, Harakat-ul Ansar, «Al-Umar», «Al-Barq», «Lashkar-e Toiba» и другие).²⁴

В самом Афганистане нет двух мнений о роли Пакистана в развитии внутриафганской ситуации. Во второй половине 90-х характер войны в Афганистане становится окончательно очевиден, вероятно, поэтому мнения афганских лидеров о роли и месте Пакистана и США во внутриафганском конфликте практически совпадают. Вот, например, как прокомментировал

---

24 Сфера деятельности пакистанской межведомственной разведки не ограничивается Афганистаном, Центральной Азией и Кашмиром. Под патронажем ISI действуют учебные лагеря в районе границы с Бангладеш, где ISI осуществляет руководство сепаратистскими группами северо-восточных провинций этой страны. («Объединенный освободительный фронт семи сестер» – ULFOSS, «Национальный совет безопасности Нагаледа» – NSCN, «Народная освободительная армия», «Объединенный освободительный фронт Ассам» – ULFA, Северо-восточная организация студентов – NESO). ISI стоит за «Тиграми освобождения Тамилы», а также исламскими террористическими группами в южных индийских штатах Хайдарабад, Бангалор, Бхаткал, Гульбарга, а также в Андхра Прадеш. (URL: <http://www.fas.org/irp/world/pakistan/isi/>)

этот вопрос лидер шиитов Абдул Карим Халили: «Совершенно очевидно, что с учетом внутренних возможностей ни одна афганская военно-политическая группировка не может быть сама по себе сильна с точки зрения масштабов вооруженности, мощи военного снаряжения и снабжения. Масштабы, в которых они вооружаются, в которых они обладают военными возможностями, все это свидетельствует абсолютно однозначно о том, что за ними стоят весьма влиятельные державы. Кроме того, за время острого вооруженного противостояния, которое имело место в разных регионах Афганистана, захвачено много иностранцев, много было убито в ходе боевых действий. Например, только в последних боях у Шейх-Али нами было убито 45 иностранных военнослужащих. Это подтверждает, что те страны, которые стоят за талибами, не только оказывают им помощь снаряжением и оружием, но и оказывают помощь людьми».²⁵ Мнение о самом непосредственном участии Пакистана в гражданской войне в Пакистане стало уже фактически общим местом в рассуждениях о характере этой войны среди афганского истеблишмента (естественно, на правительственной стороне конфликта).

Конец 90-х годов ознаменовался интернационализацией афганского конфликта. Собственно, случилось то, что обсуждалось все предшествующие годы. Первый раз в контексте афганских событий на уровне руководителей стран региона проблемы безопасности актуализировались осенью 1996 года, сразу после взятия талибами Кабула (27 сентября) и в начале их стремительного наступления на север. После того как в ноябре блицкриг талибов был остановлен и сформировался в его более-менее окончательном виде «Северный альянс» в странах Центральной Азии и в России, Афганистан с его проблемами выпал из сферы внимания. Второй раз подобное произошло в мае 1997 года. 19 мая генерал Абдул Малек, представитель влиятельного фариабского клана Пахлаванов,

поднял мятеж против генерала Достума и перешел на сторону талибов. Тогда талибам впервые удалось взять северную столицу – Мазар-и-Шариф, и Хайратон – и выйти, таким образом, к границам Узбекистана. Однако в сентябре Достум, в мае эмигрировавший в Турцию, вернулся в провинции, находившиеся под его контролем ранее, и в альянсе с хазарейскими подразделениями восстановил ранее существовавшее положение. Впрочем, ненадолго. Уже в июле талибы при широкой поддержке пакистанских регулярных частей вновь захватили северные провинции, Достум вновь эмигрировал. На этот раз талибам удалось также захватить оплот ПИЕА – Бамиан, а также ряд территорий в провинциях Саманган, Баглан, Тахор. С сентября 1998 года правительственный «Северный альянс» оказывается представленным одним лишь главнокомандующим Ахмад Шахом Масудом. Кроме моджахедов Масуда, сопротивление продолжают небольшие разрозненные отряды узбеков и хазарейцев. Впрочем, к началу 1999 года, Масуду удается объединить все антиталибские силы под своим началом. Складывается уникальная для Афганистана ситуация, когда среди многочисленных лидеров этнополитических группировок, противостоящих талибам, не оказывается никого, кто был бы равен Масуду с точки зрения лидерских качеств. Другими словами, возникает то единоначалие, которого всегда не хватало правительственным силам.

Летом 1999 года талибы в очередной раз пытаются лишить Ахмад Шаха его главной базы – Панджшерского ущелья. Августовское наступление в долине Шамоли в очередной раз подтверждает, что афганский конфликт уже давно вышел за рамки гражданской войны. В этом наступлении вновь участвуют регулярные части пакистанской армии. Именно в этот период уже становится ясной и другая составляющая этой интернационализации конфликта – поддержка талибами радикальных исламистов из Центральной Азии, синхронно, с

---

25 Интервью автора с Абдул Каримом Халили. В сб.: Афганский конфликт и радикальный ислам (см.ниже).

наступлением талибов в Шамоли и с активизацией чеченских сепаратистов на Северном Кавказе, начавших агрессию против Киргизии.

Позже Ахмад Шах Масуд заявит, что Афганистан – это только плацдарм, на территориях Афганистана, которые находятся под властью талибов, готовят «людей – из Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Китая, других стран, в специальных лагерях с ними проводят специальную подготовку люди ISI. Цель этой подготовки

– создание глобального фундаменталистского подполья в странах Центральной Азии, в России и Китае для влияния на эти государства. Этот процесс уже вошел в систему, он далеко не стихийный, как это может показаться на первый взгляд, есть продуманная стратегия, а координируют эту деятельность из одного центра».²⁶ Главными объектами этой деятельности являются Индия, Китай и постсоветские государства с мусульманским населением...

---

26   Интервью автора с Ахмад Шахом Масудом. В сб.: Афганский конфликт и радикальный ислам (см.ниже).

Полностью статья публикуется в сборнике: А.Князев. «Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии». В сборнике публикуются также документы и материалы, в том числе эксклюзивные интервью с лидерами афганского «Северного Альянса», официальные документы стран Центральной Азии, относящиеся к афганскому кризису и баткенским событиям в Киргизии 1999-2000 гг., впервые на русском языке публикуются документы партии «Хизб ут-Тахрир» и Исламского движения Узбекистана. Сборник выйдет в свет в ближайшие месяцы в одном из издательств Бишкека.

Kniazev@elcat.kg